

© 2023. Н. П. Генералова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Россия глазами гейневской «Мушки» (И. С. Тургенев и Камилла Зельден)

Аннотация: В статье впервые анализируется серия критических статей французской писательницы Камиллы Зельден (Элизы Криниц), посвященных творчеству И. С. Тургенева. Опубликованные в газете «Le XIXe siècle» в 1879 г., эти статьи были прочитаны и оценены писателем в письме к Зельден, которое впервые вводит в научный оборот. «Мушка» известна в литературных кругах как последняя любовь Генриха Гейне, которой он посвятил шесть стихотворений и адресовал более двух десятков писем. Именно от Гейне Элиза получила прозвище «Мушка». Впоследствии она оказалась проницательным критиком, высоко оценившим творчество русского писателя. Несмотря на многочисленные огрехи, а иногда и не слишком внимательное прочтение тургеневского текста, Зельден показала широкое знакомство с произведениями писателя, хотя нередко ее оценки выглядят скорее экзотическими, чем глубокими. В целом взгляд Зельден на Россию вызвал у Тургенева неприятие.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Россия, Генрих Гейне, французская литература, Ипполит Тэн, Г. Флобер, натурализм, Э. Золя, «Дым», «Рудин».

Информация об авторе: Генералова Наталья Петровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 31.08.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 02.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Генералова Н. П. Россия глазами гейневской «Мушки» (И. С. Тургенев и Камилла Зельден) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 100–121. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-100-121>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. **Natalya P. Generalova**

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Russia as Seen by Heine’s “La Mouche” (I. S. Turgenev and Camille Selden)

Abstract: The article offers for the first time an analysis of a series of critiques written by the French author Camille Selden (pseudonym of Elise Krinitz) and devoted to I. S. Turgenev’s works. Published in 1879 by the Paris newspaper “Le XIXe siècle,” these articles were read and appreciated by the writer in a letter addressed to Selden that is being now introduced into scientific circulation. “La Mouche” is known in literary circles as Heinrich Heine’s last love: he dedicated six poems to her and addressed her at least two dozens of letters. It was from Heine that Eliza received the nickname “La Mouche.” Later, she turned out to be an insightful critic who highly appreciated the work of the Russian writer. Despite numerous flaws, and sometimes not a very careful reading of Turgenev’s texts, Selden showed wide familiarity with the writer’s works, although often her assessments look more exotic than deep. In general, Selden’s view of Russia caused Turgenev’s rejection.

Keywords: I. S. Turgenev, Russia, Heinrich Heine, French literature, Hippolyte Taine, G. Flaubert, naturalism, E. Zola, “Smoke,” “Roudine.”

Information about the author: Natalya P. Generalova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Received: August 31, 2023

Approved after reviewing: October 02, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Generalova, N. P. “Russia as Seen by Heine’s ‘La Mouche’ (I. S. Turgenev and Camille Selden).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-100-121>

Некоторое время назад, в связи с подготовкой очередного тома писем Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, в редколлегию поступило неизвестное послание писателя на французском языке, обращенное к даме. Оно было приобретено Ассоциацией друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран на одном из парижских аукционов и ныне хранится в архиве этого общества. Адресовано письмо было некоей Камилле Зельден. До сих пор это имя не встречалось среди знакомых русского писателя во Франции.

Из письма можно было понять, что Камилла Зельден написала несколько статей о Тургеневе, напечатанных в газете «Le XIXe siècle», и готова выслать их ему. Ответ писателя выглядит довольно сдержанным, однако бросается в глаза, что, даже упрекая свою корреспондентку в слишком суровом отношении к России, он не скрывает, что высоко ценит ее ум, называя его «незаурядным» («distingué»).

«Мадам, — писал Тургенев из Буживаля 15 октября н. ст. 1879 г., — Мой друг, г-н Этцель, сообщил мне ваш адрес — и я пользуюсь этим, чтобы просить вас принять мою благодарность. Я подписан на газету “XIXe siècle” — и прочел статьи, в которых вы говорите о моих сочинениях. — Возможно, вы в них слишком благосклонны к автору и слишком суровы к его стране. Но мне отрадно видеть, что человека столь незаурядного ума, как ваш, привлекла русская литература — и он способствует знакомству с ней французской публики. Примите, сударыня, уверение в моем уважении и преданности»¹.

Даже если оставить в стороне этикетные нормы, которыми Тургенев владел в совершенстве, особенно когда речь шла о женщинах, нас не покидает ощущение, что он обращается будто бы к знакомому

¹ Здесь и далее перевод с французского языка выполнен автором статьи.

человеку. Это и в самом деле было так. Хотя утверждать, что писатель был лично знаком с Камиллой, мы не можем, трудно представить, что он ничего не слышал о молодой особе, ставшей последней любовью Генриха Гейне, умершего после тяжелой болезни в Париже в феврале 1856 г.

Одним словом, Камилла Зельден (1825–1896) была фигурой довольно известной в литературных кругах с конца 1850-х гг., хотя к середине 1870-х имя ее начало постепенно исчезать, а затем и вовсе исчезло на много лет, пока в 1884 г. не были напечатаны ее воспоминания о последних днях Генриха Гейне, вышедшие на французском и немецком языках [Selden 1884a, Selden 1884b]. Познакомившись с неизлечимо больным поэтом совершенно случайно в Париже за полгода до его смерти, молодая женщина, называвшая себя тогда Элизой фон Криниц (Krinitz), стала последней любовью умирающего Гейне и вошла в историю под данным им прозвищем «Мушки» («la Mouche»). У постели смертельно больного, лишенного возможности двигаться полуслепому Гейне девушка исполняла обязанности лектрисы и секретаря, записывая под диктовку его стихотворения и письма. Ей же Гейне поручил вести корректуры своих произведений, в том числе и после его смерти. «Мушкой» он называл Элизу потому, что она запечатывала свои письма печаткой с изображением мухи. Этим прозвищем оказалась освящена вся ее последующая жизнь. Элизе были посвящены последние стихотворения умирающего поэта. Одно из них, которое так и называлось «Мушке», начиналось такими строками:

Тебя мой дух заворожил,
И, чем горел я, чем я жил,
Тем жить и тем гореть должна ты,
Его дыханием объята.

Заканчивалось стихотворение тем же заклинанием:

Везде, куда ни полетишь,
Ты дух мой в сердце повлачишь,
И жить должна ты, чем я жил, —
Тебя мой дух заворожил (*Перевод Лады Руст*) [Гейне 1957: 299].

Сохранились не только шесть стихотворений Гейне, посвященных «Мушке», но и более двух десятков писем к ней. Из них ясно, что вспыхнувшее чувство было сильным и взаимным. Уже после первой почти случайной встречи поэт пишет, что «страстно жаждет еще раз испытать удовольствие» видеть ее, а через несколько дней прямо признается в любви [Гейне 1959: 401–402]. Из письма от 1 января н. ст. 1856 г. мы узнаем, что Камилла, вернее Элиза, была противницей внешних приличий: Гейне извиняется за то, что передает ей коробку шоколадных конфет к Новому году, ссылаясь на «внешнее окружение», которое могло бы увидеть в несоблюдении правил приличия признак неуважения. «Ты моя любимая Мушка, и я не так чувствую боли, когда думаю о твоём изяществе, о грациозности твоего ума» [Гейне 1959: 410]. Последнее письмо содержало просьбу не приходить в четверг, потому что Гейне мучился мигренью, а прийти завтра, в пятницу. Но эта встреча уже не состоялась. В последний путь Камилла Зельден провожала поэта вместе с Теофилом Готье и Александром Дюма-сыном.

Надо сразу признаться, что мы не располагаем подробными сведениями об этой женщине, к тому же она и сама приложила немало сил, чтобы ее личная жизнь не стала достоянием общественности. Мы даже не знаем, кто были ее родители и каковы были ее имя и фамилия при появлении на свет, потому что фамилия фон Криниц принадлежала ее приемной матери, немке родом из Саксонии, переехавшей в Париж. Владея от рождения немецким языком (этим, кажется, она и привлекла поначалу Гейне, который, услышав ее голос, захотел поговорить с нею на родном языке), Элиза в совершенстве овладела французским и занималась переводами с одного языка на другой. Трудно утверждать с полной уверенностью, где правда, а где выдумка, но считается, что она была замужем за богатым французом, промотавшим свое и ее состояние и упекшим ее в Лондоне в клинику для душевнобольных, откуда ей удалось бежать. Несомненно одно: Элиза фон Криниц, она же Камилла Зельден (это был ее псевдоним), она же «Мушка» была женщиной незаурядной во многих отношениях, а ее жизнь вполне достойна быть описанной в авантюрном романе¹.

¹ К сожалению, нам не удалось ознакомиться с книгой, целиком посвященной ей [Wright]. В рецензии на нее говорится о том, что книга мало что проясняет в биографии К. Зельден, оставляя больше вопросов, чем ответов [Bianquis: 317–318].

Не будучи красавицей, она была грациозна и подвижна, прекрасно играла на фортепьяно и сама писала музыку, обладала несомненным литературным дарованием, живым и веселым характером, блестяще владела искусством беседы и при этом серьезно интересовалась многими предметами, в том числе философией. Даже основываясь на ее собственных воспоминаниях о знакомстве с Гейне, можно заметить, что будущая Камилла Зельден обладала независимым характером и могла легко перешагнуть через светские условности, если того требовало ее сердце.

Вот какое воспоминание о ней оставил Жюль Легра (Legras; 1866–1938), автор книги «Henri Heine, poète», вышедшей в Париже в 1897 г., через год после смерти К. Зельден, советами и архивом которой он пользовался. В примечании к книге читаем:

«Я испытываю острую боль при мысли, что эта умная и сердечная женщина, так живо интересовавшаяся этой книгой, умерла в то самое время, когда я дописывал последние страницы. Камилла Зельден была близко знакома с несколькими знаменитостями, в том числе с Тэнном, который некогда посвятил ей лестный этюд. В ее жизни были разочарования, но она сохранила от них лишь насмешливый скептицизм, лишенный горечи. Сыграв в 60-е и 70-е гг. поистине важную роль в литературе, она уединилась в Руане и жила там скромно, довольствуясь немногим, не расточая свои воспоминания, но принимая с утонченной грацией у себя друзей, с которыми связывала взаимная симпатия. Я узнал ее довольно поздно, но по блеску ее насмешливых глаз, по ее столь оживленному и сдержанно-напористому разговору понял, каким образом она прельстила Генриха Гейне. Я сохраню память о ней как о старушке, очень простой, очень снисходительной, и буду с удовольствием перечитывать ее письма, запечатанные мушкой» [цит. по: Gagnebin: 545].

Трудно сказать, кто посоветовал Камилле Зельден обратиться к творчеству Тургенева. Это мог быть упомянутый в письме Тургенева издатель и большой его поклонник, выпустивший в свет почти все его сочинения в переводе на французский язык Жюль Этцель, но мог быть и кто-то другой из общих знакомых, например, упомянутый выше Ипполит Тэн, который сравнивал творчество Тургенева с античными шедеврами и в то же время в течение довольно долгого времени был близ-

ким другом Камиллы Зельден. Вполне вероятно, что статьи о Тургеневе были заказаны Камилле самим редактором газеты «Le XIXe siècle» Эдмоном Абу, ценившим Тургенева как писателя и как критика. Именно в этом, 1879 г. и в самом начале 1880 г. в газете были опубликованы два открытых письма русского писателя: одно по поводу выхода в свет первого перевода на французский язык романа Льва Толстого «Война и мир» и другое — по поводу выставки в Париже картин В. В. Верещагина. Но очень может быть, что любознательная «Мушка» и сама решила попробовать силы в качестве литературного критика в духе Ипполита Тэна или даже самого Генриха Гейне. К этому времени она уже была автором нескольких книг — романа «Даниэль Влади. История одного музыканта» (1862), удостоившегося лестного отзыва Ипполита Тэна, «Музыка в Германии. Мендельсон» (1867), «Современный дух Германии» (1869) и других сочинений.

Что касается лестных отзывов Ип. Тэна о романе «Даниэль Влади» и других сочинениях Зельден¹, то за ними кроется целая история таинственных отношений будущего знаменитого критика и теоретика искусства и молодой писательницы². Вряд ли, однако, Тургенев, состоявший с Тэном в дружеских отношениях, мог что-то узнать у него о «Мушке». К тому времени связь между эксцентричной женщиной и будущим добропорядочным отцом семейства и членом Французской Академии Тэном прервалась, и он никогда не упоминал о своем увлечении. Камилла тоже хранила молчание, тем не менее имя Тэна неоднократно появляется в ее критических статьях. Более того, она открыто заявляет себя сторонницей его метода.

Роман о музыканте, «напоминающем Шопена», был замечен и в русской критике: развернутая рецензия на него содержалась в обзоре «Но-

¹ Развернутый отзыв о романе Тэн поместил в «Revue des Deux Mondes» в 1862 г. по выходе его в свет, позднее он включил его вместе с рецензией на книгу Зельден, посвященную трем выдающимся женщинам (Эжени де Герен, Шарлотте Бронте и Рахили Фарнхаген фон Энзе: «L'esprit des femmes de notre temps, études sur Eugénie de Guérin, Charlotte Brontë et Rahel de Varnhagen», 1864), в сборник своих критических и исторических эссе [Taine: 87–125].

² Интересующихся этой историей отсылаем к замечательной статье Марианны Ганьбен «Романтическая муза», опубликованной в журнале «Mercure de France» [Gagnebin: 513–553].

ности иностранной литературы» журнала «Отечественные записки», где имя автора романа трактовалось как мужское — Камилл Сельдан. Подробно пересказав фабулу романа, анонимный автор обзора писал: «Вот содержание этого прекрасного романа; он написан с тонким умом и глубоким чувством; автор понимает жизнь всесторонне и способен воспроизводить ее очень художественно» [Новости: 274–275]. Есть в романе отрицательный русский персонаж, составляющий противоположность главному герою, некто Разумов, тоже музыкант, но человек поверхностный и безнравственный, хотя автор обзора в «Отечественных записках» находит его русское происхождение случайным. Однако в дальнейшем Камилла Зельден вновь обратилась к теме России, и это обращение уже не выглядело случайным.

В 1879 г. на страницах газеты «Le XIXe siècle» вышла серия статей Камиллы Зельден под общим заглавием «Франко-русская литература», в которых в основном рассматривалось творчество Тургенева. Не совсем понятно, что имела в виду Зельден под франко-русской литературой, очевидно, произведения о России. В первой статье — «Политический роман» — была дана суровая оценка только что появившегося романа французского писателя Эрнеста Лавиня «Le roman d'une nihiliste» («Роман нигилистки»), вышедшего в Париже и посвященного русской теме [Lavigne].

Произведение Лавиня Зельден сравнивает с романом Тургенева «Новь», целиком и полностью отдавая предпочтение русскому писателю. Воспринимая скорее отрицательно попытки смешивать литературу с политикой, критик все же относит оба романа к «серьезной, достойной литературе, столь же поучительной, сколь и занимательной, литературе наблюдателей, которые спокойно созерцают и взвешенно воспроизводят то, что видят и знают» [Selden 1879b: 3]. При этом Зельден подчеркивает несопоставимость художественных достоинств обоих романов. Сам же нигилизм Зельден характеризует следующим образом, выдающим отчасти ее политические предпочтения:

«Это движение, как и другие в том же роде, основывается на воплощении идей социалистов, то есть на требовании того, что революционеры называют, как я полагаю, *Правами Человека*, требовании, понятом, однако, более широко, более гуманистически, более общо, требовании, выходящем несомненно за пределы законности, но не за пределы справедливо-

сти, в применении как к богатому, так и к бедному, как к дворянину, так и к рабу <...>. Прекрасные теории, которые являются тем, чем являются большинство теорий, то есть почти неприменимыми в жизни <...> [Selden 1879b: 3].

Она осуждает террористическую деятельность нигилистов, упоминая о недавнем покушении на Александра II, едва не стоившем жизни «прогрессивному государю, который, поддавшись собственному желанию и, возможно, капризу, забыл, что, совершая опыты по освобождению людей, не ведающих первейших обязанностей свободного человека, монарх подвергает себя неприятностям». Заметим, что освобожденных крепостных Зельден называет «людьми, не ведающими первейших обязанностей свободного человека». Вряд ли такое определение могло понравиться автору «Записок охотника», не говоря уже о том, что к покушению на царя крепостные крестьяне никакого отношения не имели.

К. Зельден признается, что знает Россию по собственному опыту (вероятно, довольно ограниченному) и по произведениям Тургенева. Однако если русский писатель прямо назван «мастером», владеющим великим искусством «сообщать жизнь вымышленным персонажам», то Э. Лавиню ставится в упрек слабость стиля, неумение владеть интригой и «неправдоподобность рассказа». Последнее, по мнению Зельден, состоит «в ничтожности персонажей, которые действуют как неживые и пользуются высокопарными словами, которые не стал бы употреблять ни один здравомыслящий человек». В то же время критик по существу не обнаруживает в романе Тургенева героев, достойных внимания. Характерно, что при перечислении главных действующих лиц отсутствует такой важнейший персонаж, как Соломин. Вывод относительно зародившегося социального движения и его представителей крайне пессимистичен:

«Амбиции, избыток гордыни, желание мести, необходимость выделиться, все то, что у порядочных людей выражается в благородных поступках, чаще всего ребяческих, а у глупцов, фанатиков или мошенников в насилии или преступлениях, — таковы чувства, которые наполняют, по обыкновению, последователей тайных обществ, следовательно, и нигилистов. <...> в общем, много жуликов и мало честных людей, множество скептиков и

мало верующих, вот в целом то, что было всегда и что, возможно, будет существовать при всех режимах и во все времена» [Selden 1879b: 3].

Однако прежде чем перейти к следующей статье К. Зельден о Тургеневе, необходимо сказать, что статьям о русском писателе предшествовала серия других, опубликованных в той же газете «Le XIXe siècle» весной 1879 г. Они имели общий заголовок «Литературное движение с 1850-го по 1870 год» и претендовали на серьезную оценку процессов, происходивших в литературном движении Франции двух последних десятилетий. Ставя перед собой столь сложную задачу, Камилла Зельден заявляла право на роль ведущего критика, объявляя в первой же статье эпоху между падением Июльской монархии и падением Империи одной из блистательнейших и интереснейших в истории французской литературы [Selden 1879f: 2]. Эти статьи, без сомнения, были прочитаны Тургеневым и оценены по достоинству.

«Наиболее выдающейся чертой этого великого литературного движения, — пишет Зельден, — является одновременное появление плеяды людей, преследующих одну и ту же цель, хотя и разными путями. <...> Философия, критика, роман, театр, вплоть до поэзии, — все связано друг с другом и взаимозависимо. Никаких отдельных порывов, ничего колеблющегося и расплывчатого. <...> Шествие движется на твердой почве к четкой цели; они знают, чего хотят и куда идут: словом, возникает школа» [Selden 1879f: 2].

Объявляя о появлении «школы», Зельден называет и ее постулаты, и главных ее представителей. Она, правда, не дает новой школе имени, но из прозвучавших определений очевидно, что речь идет о школе реалистической, или, как тогда говорили, школе позитивизма.

Опыт, по мнению критика, научил молодое поколение «распознавать пустоту громких слов и бесполезность пустых фраз». Они «видели г. де Ламартина, тщасьегося заменить идеи фразами, и г. де Шатобриана, колеблющего старческой рукой знамя, ставшее безразличным для толпы». Молодое поколение, декларирует Зельден, «имеет вкусы и склонности молодого поколения»:

«Более свежая кровь делает людей более пылкими и более активными. Их больше не устраивают ни бесцветные рассказы, ни бравурные или чахоточные герои. Равным образом отвлеченные персонажи, которые не имеют ничего общего с жизнью кроме очарования, приданного им высоким талантом. А потому мы видим меньше поэтов, чем прозаиков, меньше моралистов, чем художников. Прозаики, ставшие художниками, люди, которые, воспроизводя природу, стремятся, подобно Тэну или Полю де Сен-Виктору, выставить ее красоты; живописцы нравов, которые умеют, как Абу и Эмиль Ожье, приложить искусство к изображению правды и создавать типы, в которых мы видим возрожденным облик эпохи» [Selden 1879f: 2].

Объявляя характерными признаками новой школы «дух анализа, исследования, настоятельную потребность в глубокой проработке там, где ранее довольствовались легким касанием», К. Зельден отводит особое место новой критике, напоминая местами декларации молодого Белинского.

«Красивые, закругленные и пустые фразы отжили свое: прежняя система, состоявшая в высказывании хотя бы какого-то мнения, заменяется новой, которая подчиняет критику строгим законам, подобно математике»; «критик объявляет себя лицом незаинтересованным, писатель оценивается согласно силе фактов, его поправляют, если он ошибается, иной раз он переделывает свой труд, а критика, поднявшись на эту высоту, превращается в произведение искусства, произведение действительно интересное и полезное <...>» [Selden 1879f: 2]. «И как жаловаться на то, что художники, взявшиеся изобразить физиономию времени, в котором живут, рисуют это время таким, каким его видят, то есть, как и во все времена, в смешении красоты и уродства, но в итоге необыкновенным и столь же интересным из-за оригинальности лиц, которых оно выдвигает, как и вследствие обновления, которое оно вносит в историю мысли?» [Selden 1879f: 2].

Следующая статья, посвященная французской литературе 1850-х–1860-х гг., прямо показывает К. Зельден ученицей Тэна: больше всего в современной литературе ее привлекают знание предмета изображения, точность в прорисовке деталей и характеров, социальное содержание произведений, умение романиста поместить читателя в изображаемую среду. В начале статьи Зельден заявляет, что «великое

движение, начатое Ренаном и Тэном», откроет перед читателем совершенно новые горизонты, объединив в своем аналитическом методе философию, историю и художество. Открывает парад выдающихся имен Гюстав Флобер с романом «Госпожа Бовари», который, по мнению критика, оказал огромное влияние на современную литературу [Selden 1879a: 3]. За Флобером следуют братья Гонкуры и целый ряд современных романистов. Любопытно, что в этот ряд, причем в числе первых, вписан Тургенев. Соглашаясь с тем, что современное общество «и как следствие литература содержат достаточно порочных элементов», критик призывает увидеть не только отталкивающие физиономии, но и «восхитительную коллекцию прекрасных, юных, изящных, поэтических и благородных лиц», среди которых называется и «пленительный эскиз молодой русской девушки» из «прекрасного» романа «Дым» [Selden 1879a: 3]. Автора «Дыма» Зельден называет здесь «изящным летописцем этой милой подлинной России, которая с некоторых пор доставляла нам и до сих пор доставляет столько пошлых подделок» [Selden 1879a: 3]. Однако перечисление многих имен новой школы, в том числе драматургов, заставляет автора статьи с сожалением отказаться от подробного разговора об их произведениях и перейти к попыткам группы литераторов шумно претендовать на новаторство. Речь, разумеется, идет о так называемых натуралистах во главе с Эмилем Золя. Этому движению К. Зельден посвятит следующие две статьи и лишь потом обратится к анализу творчества русского писателя.

Думается, многое в статьях Камиллы Зельден, безжалостно расправившейся с новоявленными доктринерами, было близко Тургеневу, несмотря на то, что он тесно общался с «группой пяти», куда, помимо него и Флобера, Э. де Гонкура и А. Доде, входил и Эмиль Золя. Дружеские обеды названных литераторов не мешали существованию внутри кружка серьезных разногласий. Так, признанный всеми глава нового направления Гюстав Флобер, которого и Тургенев считал единственным великим писателем, который мог бы оспорить пальму первенства у Льва Толстого, весьма скептически относился к попыткам Золя объявить «натурализм» исключительно верным путем, предпочтительным для литературы. Это не мешало руанскому отшельнику считать роман «Нана» выдающимся произведением, хотя и перенасыщенным грубой и непристойной лексикой. Неприятие творческих принципов Золя не мешало Тургеневу ценить его как литературного критика и очеркиста

и рекомендовать в качестве постоянного автора в журнал «Вестник Европы».

Что касается Камиллы Зельден, то она не слишком стеснялась в выражениях, определяя принципы выдвинувшейся новой школы, которую четко отделила от школы, условно говоря, Флобера. И здесь следует отдать должное проницательности критика, почувствовавшего опасность для литературы нахождения в тисках заявленных правил. Отказываясь видеть в шумных представителях «новой» школы «спасителей литературы и политики» (так звучал подзаголовок одной из ее статей), Зельден пишет:

«Натурализм или анархия, порядок или хаос, совсем как если бы вы могли сказать, потаж или суп, жареное или вареное, закуска или салат. Естественно, задача критика усложняется перед теми, кто игнорирует уровень писателя, которым довольствовались раньше, кто открыто принимает на себя роль знатока и дает рецепты для укрепления стабильности правительств» [Selden 1879e: 3].

Зло высмеивая призывы Золя обращаться к «человеческим документам», К. Зельден восклицает:

«Неизбежным следствием этих принципов является то, что пресловутые человеческие документы почти на исходе. Судя по тому, как идут дела, в ближайшее время экспериментировать придется над животными, и я, со своей стороны, предлагаю роман, действие которого будет происходить на живодерне или в хлеву» [Selden 1879e: 3].

Укоряя Золя и его учеников в насаждении «культы безобразного», критик в то же время остроумно указывает на то, что и в «Ругон-Маккарах» при желании можно обнаружить немало идиллических сцен на выворот, отчего они не перестают быть идиллиями. Упрекает Зельден представителей «новой» школы в погоне за скандалом и как следствие растущими баснословными тиражами их книг. При этом в самих принципах натурализма она не находит ничего нового, а лишь забытое старое. Анализ романа Золя «Проступок аббата Муре» с его «ребяческим» сюжетом и сомнительной философией побуждает Зельден обратиться к насмешке, переходящей в сарказм. «Западню» она называет книгой,

написанной серной кислотой, и т. п. Досталось и ученикам Золя, особенно Гюисмансу с его романом «из простонародных нравов» «Сестры Вотар».

Вернемся, однако, к статьям о Тургеневе, к которым Зельден обратилась после полного разгрома «натурализма». Следующая ее статья, с которой писатель успел ознакомиться до того, как получил ее письмо, называлась «Сочинения Тургенева. Русский за границей» и была целиком посвящена роману «Дым». Разбору романа предшествует следующее заявление:

«Из всех французских и иностранных писателей, обративших свой талант к теме России, Тургенев неоспоримо принадлежит к тем, кому удалось описать ее лучше всего. Под его водительством можно познакомиться с обитателями этой необъятной империи. Несмотря на то, что они русские и описаны русским, их видишь, живешь среди них и с ними. Это наивысшая похвала, которую можно сделать таланту автора и объяснить интерес к его творчеству» [Selden 1879c: 3].

Более всего Зельден привлекли сцены, представляющие русское общество за границей, это дало возможность поговорить о реальных русских, с некоторыми из них она, судя по всему, была знакома:

«...единственный русский, лицо которого нам до сей поры было знакомо, это лицо богатого персонажа, о ком я только что говорила, русского с репутацией полужануза, который смеется нашим остроумиями, воспроизводит их иногда как собственные, использует наши выражения, одевается у наших портных, посещает наших актрис, почитывает “Revue des deux mondes”, читает “Парижскую жизнь”, оплачивает любое продажное перо, пьет наши вина, увозит наших поваров, наших комедианток и, в конце концов, может высыпать полмиллиона на мостовые наших городов, ничуть не обеднев и даже не стеснив себя» [Selden 1879c: 3].

Естественно, подобные персонажи вызывают у Зельден презрение и отвращение, она приводит цитаты из «Дыма», подтверждающие данную ею характеристику русского баденского общества, однако почти не уделяет внимания другим героям романа, которые сливаются в единую массу:

«...им не хватает человеческого достоинства; они непримиримы, они умеют склоняться только перед силой, вернее, видимостью силы. Идея добра, чувство справедливости никогда не проникали ни в их разум, ни в их сердце. Они мечтают только о том, чтобы развлекаться, вернее, сократить скуку, и слово, которым можно обрисовать все их убеждения и обобщить их мораль, исходит из уст человека, не выносящего слова *прогресс* <...>» [Selden 1879c: 3].

Третья статья, которую Тургенев прочитал до того, как написал приведенное выше письмо, называлась «Сочинения Тургенева. Русские у себя дома». Статья была посвящена роману «Рудин». Здесь особенно ярко проявились довольно поверхностные представления Зельден о России и предубеждения, задевшие чувства Тургенева. Пандалевский представлен в статье секретарем-черкесом, а Пигасов — казаком, исполняющим роль шута. Дмитрий Рудин, с точки зрения автора статьи, «сочетает в себе почти все качества, свойственные у нас адвокатам без клиентуры, и считает себя великим человеком оттого, что неплохо излагает правильные мысли». Зельден прямо утверждает, что Рудин не добился бы успеха в Париже. Другое дело — Россия: «Но совсем иная ситуация в стране, где для того, чтобы осмелиться думать и говорить, нужно чувствовать в себе мужество встретиться с перспективой оказаться в Сибири <...>» [Selden 1879c: 3].

Далее критик берется даже спорить с Тургеневым, откликаясь на известные слова Лежнева о России: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности (Тургенев имеет в виду под этим словом “народ”. — *Н. Г.*) ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет» [Тургенев: 305]. По-видимому, эта декларация задела какие-то чувства Камиллы Зельден, натурализовавшейся во Франции и считавшей себя, судя по всему, «гражданкой мира».

«Именно невозможность быть самим собой, — пишет она, — создала дух космополитизма у русского человека, и Тургенев не до конца отдает отчет в этой преграде, когда показывает абсурдность этого духа космополитизма. Он забывает, что новые идеи и оригинальные мысли редко рож-

даются на почве, иссушенной дыханием деспотизма. За неимением личной независимости, а возможно также вследствие несовершенной и незрелой цивилизации, русские ничего не изобретают или, если и изобретают, как остроумно говорит автор “Димитрия Рудина”, то с претензией сделать это по наитию, то есть без обучения, и, вследствие этого, плохо, в отличие от других, которые делают это хорошо, потому что учились» [Selden 1879с: 3].

Не могли не задеть Тургенева и оценки русских женщин, у которых К. Зельден обнаружила врожденный «вкус к позе», и определение Рудина как «паразита и бездельника». В то же время автор статьи замечает, что «своим тонким и все же язвительным пером, пером, которое превосходно очерчивает не только контуры вещей, но и прорисовывает полутона, составляющие характер в целом, Тургенев умеет придавать интерес персонажам на первый взгляд незначительным. Тот, кого он делает героем своей книги, становится, вопреки правилам, интересным по мере своего падения. Автор использовал свое знание сердца человеческого, чтобы познакомить нас с одним из тех людей, к несчастью слишком многочисленных, кто погибает от своего тщеславия и слабости». Сжалившись над Рудиным, гибель которого была predeterminedena «недостатком опыта и отсутствием контакта с большой, полной движения активной жизнью, которая у нас освежает души и служит пробным камнем таланта», К. Зельден указывает на коренное отличие общественного устройства России и Франции: «Современная жизнь у нас — это битва; мы живем уже не в те времена, когда довольно было писать красивые письма или составить таковой же том, чтобы стать знаменитым. Никто не может знать предела своих сил, пока не ввязался в драку, а Димитрий Рудин открывает эту истину лишь тогда, когда она ему уже бесполезна» [Selden 1879с: 3]. Несмотря на резкое осуждение рудинского красноречия, Зельден заканчивает статью сочувствием к несчастной судьбе героя, оставшегося в полном одиночестве, но не изменившего себе.

В четвертой и заключительной статье, посвященной Тургеневу, К. Зельден дала общую чрезвычайно высокую оценку творчества русского писателя:

«Его романы, его повести содержат в себе целый мир, мир одновременно достоверный и сказочный, где преобладает неведомое, где правдоподоб-

ные персонажи перемешаны с персонажами фантастическими, где бесконечное разнообразие декораций и типов наконец ошеломляет и ослепляет. Здесь пустыньность степей, замеченная снегом убогая крыша, там — грубая раскраска обнаженного и мрачного интерьера; подальше — старенький домишко, испускающий аромат амбры, все это подлинная работа миниатюриста, имеющая вид *диковинки* из прошлого века, содержащей, как персонажи росписей на веере, стены по старинной моде; кроме того, вот еще — на темном и смутном фоне сияющее и светлое видение, лучезарная фигура, которая как будто распускается на ковре гарема или в цыганском таборе» [Selden 1879d: 3].

Несмотря на многочисленные огрехи, а иногда и не слишком внимательное прочтение тургеневского текста, Зельден показала довольно широкое знакомство с произведениями писателя, хотя нередко ее оценки выглядят скорее экзотическими, чем глубокими. Тем не менее она сумела оценить утонченные черты благородного образа Лаврецкого в «Дворянском гнезде», героя «Дневника лишнего человека» и увидеть «типы почти шекспировской силы» в «Степном короле Лире» [Selden 1879d: 3].

Характерен лирический зачин этой четвертой статьи, написанной, возможно, уже после получения письма от Тургенева:

«Приходилось ли вам бывать на берегах альпийского озера? Сплошное зеркало, кажется, отражает небо, прорезанное горными хребтами, сумрачными лесами, основаниями из слепящего снега, облаками, которые плывут в лазури или покрывают небо белеющими хлопьями. / Обман ли это чувств, случайное совпадение или тени? / Понемногу очертания, которые только что были такими четкими, начинают стираться, размываться; в воде появляются новые формы, смутные, неопределенные, тут же тонущие в бездне, из которой вышли, но оставляющие ощущение таинственной жизни из какого-то мира существ, исчезнувших в недостижимом для нас пространстве и лишенных благоденствий света. / Признаться, я испытываю нечто подобное описанному, когда читаю Тургенева» [Selden 1879d: 3].

В качестве примера весьма своеобразного прочтения образов тургеневских девушек и женщин приведем пассаж из цитируемой заключительной статьи Зельден о русском писателе:

«Гений нации, чьи пределы касаются, так сказать, двух полюсов, неизбежно исполнен элементов смутных, сложных, несвязных. В нем в избытке присутствуют причудливые сказания, захватывающие или ужасные аллегории. Тургенев с лихвой черпает из этой сумрачной сокровищницы. Дьявольские черты *женщины-вампира*, черты злого духа, которого на Востоке знают под именем *Пери*, являются в его сказках, одни под личиной замогильной циркачки, практикующей свои чары над уснувшим человеком, чья кровь единственно способна утолить ее жажду и напитать ее, другие — в виде маленькой турецкой еврейки, полупрозрачном призраке, провозвестнике несчастья, который ставят в качестве приманки возле мышеловки с целью заманить жертву. Эти прелестные монстры воплощены в формы: и вероломная *Евламния*, которая, изгнав отца из собственного дома и совершив инцест, использует полученный от преступления доход для основания монастырского ордена, *Ирина* в “Дыме”, беспечная и великолепная как греческая императрица; зловещая дама, которая в сказке, озаглавленной “Бригадир”, разорила своего любовника и вынудила его взять на себя ответственность за совершенное преступление, <...> а впереди всех эта опасная *Варвара Павловна*, прожигающая жизнь в парижском *High-life* и доводящая до отчаяния благородное сердце, — весь этот блестящий и вредоносный рой порочных натур, который в произведениях Тургенева кишит и жужжит вокруг желанной добычи, несомненно принадлежит к inferнальному роду, из которого выходят вампиры, источающие наряду с опьяняющими ароматами запаха, так сказать, тления» [Selden 1879d: 3].

К сожалению, мы не знаем реакции писателя на последнюю статью Зельден, однако можно легко представить, какая ироническая улыбка показалась на его лице, когда он с трудом узнавал в набросанных портретах лица своих героинь. И уже безо всякой улыбки он мог прочесть следующую характеристику женских образов в своих произведениях:

«Автор представляет нам все многообразие *Вампиров* в женском облики; он редко показывает светскую женщину доброй и умной, умеющей исходящим от нее очарованием смягчить ожесточенные споры и утихомирить мелкие мужские неприязни. Не то чтобы Тургенев не воздавал в своем творчестве должное женской добродетели. Но эта несколько холодная добродетель напоминает белизну северных снегов. Набожная Лиза из “Дворянского гнезда”, нигилистка Марианна из “Накануне”, та другая, красивая

и богатая, которая покидает своего отца, отчий дом, где так необходимо ее присутствие, своих братьев, чтобы последовать за старым нищим и грязным юродом, в котором она видит святого («Странная история». — Н. Г.), все эти героини заняты, но не слишком привлекательны. Непреклонность византийских девственниц отзывается в их несколько хрупких формах, в упрямстве их несколько прямолинейных умов, иногда в их молчаливом смирении, с которым они способны подчиниться, и потому удивляешься лишь наполовину, когда присутствуешь при печальной развязке любви или мистической привязанности, которая одну бросает в монастырское забвение, а других в религиозный или политический фанатизм. Очевидно, что эти женщины, девушки, матери семейств родились и выросли под присмотром и при свете икон, которые оберегают порог русских жилищ» [Selden 1879d: 3].

Вряд ли порадовало русского писателя и сопоставление его «Степного короля Лира» с «Отцом Горио» Бальзака. Разделяя мужские образы у Тургенева на две категории, К. Зельден писала:

«Эти тонкие, меланхоличные, почти женственные натуры, благородные образцы славянского характера в том, что он может предложить наиболее возвышенного и чистого, создают весьма оригинальный контраст с героями некоторых других рассказов, свирепыми фигурами казаков, крепостных, охотников из дворян, мощными очертаниями всадников, скачущих галопом на своих венгерских рысаках или разгоняющих колеса своих *тарантасов* в заснеженных степях. Мрачны пейзажи, как и персонажи, ими порожденные, как и разворачивающиеся сцены. Там, больше, чем в других местах, посреди угрюмых зимних вечеров, сурового климата, серого однообразия горизонта грустное человеческое существо ищет стимулов к физическим упражнениям или сильным ощущениям, которые доставляет пьянство. Это существо коротает дни в охоте на кабана, походя на него, а вечера в компании попа, тупого и глупого слуги, который распивает бутылку водки с *барин*ом и старается его рассмешить, ожидая, что тот протянет ему символическую свечу, освещающую путь в загробный мир. А эти типы почти шекспировской силы, фигурирующие в сказках, озаглавленных «*Король Лир*» и «*Степной дворянин*» (sic! — Н. Г.), которые представляют собой образы грубой силы, напоминают железных людей из старогерманских сказаний и могут показаться преувеличенными и чрезмерными из-за

своих колоссальных размеров. Мужская статья героев наших современных романов не приучила нас к великанам. Какая дистанция между бедным добряком отцом Горио, представляющим у Бальзака жертву отеческой любви, и этим косматым и бородастым колоссом, который в приступе безумного гнева мстит за неблагодарность дочери тем, что поджигает крышу дома, который он имел слабость ей подарить! У этих людей, наполовину диких, из которых кое-кто с трудом может написать свое имя, но от этого испытывает еще большую гордость, гнев, пьяный угар, всплеск оскорбленного самолюбия, которые дают толчок к кровавым расправам. Многие из них становятся идиотами на руках слуг, которые прячут их, когда те напиваются, и сообщают попу, когда им угрожает смерть» [Selden 1879d: 3].

А вот общий призыв Зельден к европейцам не замыкаться в себе и обратиться к литературе и истории стран, лежащих за пределами «цивилизированной» Европы, должны были хотя бы отчасти смягчить мнение русского писателя о своем неожиданном критике.

«В целом, я полагаю, что нет более притягательного и одновременно более познавательного чтения, — писала Зельден о творчестве Тургенева. — Это чтение предлагает, на мой взгляд, сюжеты для необходимого изучения в эпоху, когда огромные скорости и легкость сообщения сблизили людей. Сегодня для нас непозволительно интересоваться только самими собой и как следствие впадать в преувеличение, противоположное косым взглядам, что подталкивает русских любоваться лишь тем, что находится извне. Узкий шовинизм отжил свое и сам падает перед неизбежной необходимостью узнавать то, что существует вне нас. Нам же остается, хочется верить, излишек нравственности, высшая степень цивилизации, которую заимствуют из преимуществ обдуманной и разумной свободы. Но соотечественники Тургенева имеют в распоряжении запас врожденных знаний, которые несут люди, более близкие к природе. Одно компенсируется другим» [Selden 1879d: 3].

Как знать, может быть, обращаясь к знаменитому русскому писателю, Камилла Зельден надеялась обрести в нем собеседника, которого жаждала ее неутомимая душа, но этого, судя по всему, не случилось. Вряд ли мы обретем новые фрагменты их несостоявшейся переписки. Последняя часть жизни Камиллы прошла в уединении: она преподава-

ла немецкий язык в школе для девочек в Руане. Но одно поразительное совпадение все же есть.

Жюль Легра, воспоминание которого о гейневской «Мушке» приведены выше, наверняка читал статьи Камиллы Зельден о Тургеневе и будто бы услышал ее призыв в последней статье, где она советовала европейцам не замыкаться в себе и изучать Россию. Еще до упомянутой книги о Гейне Легра увлекся Россией и отправился в свое первое путешествие в нашу страну. Он так полюбил ее, что в 1895 г., до ухода Камиллы Зельден, выпустил книгу «В русской стране», стал изучать русскую литературу и сменил профессию — из историка немецкой литературы стал одним из первых профессоров-русистов. К этому, кажется, имела отношение не только Камилла Зельден, но и Тургенев, очаровавший знаменитую гейневскую «Мушку» своими бессмертными произведениями.

Список литературы

Источники

- Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 3. 356 с.
- Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 10. 739 с.
- Новости иностранной литературы // Отечественные записки. 1862. Октябрь. С. 274–275.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. 544 с.
- Lavigne E. Le Roman d'une nihiliste. Paris: Paul Ollendorff, éd., 1879. 350 p.
- Selden C. Les derniers jours de Henri Heine. Paris: Calmann Lévy, éd., 1884a. IV, 125 p.
- Selden C. Heinrich Heine's letzte Tage: Erinnerungen. Jena: H. Costenoble, 1884b. IV, 104 s.
- Selden C. "La Littérature française de 1850 à 1870. Les écrivains et leurs œuvres. II." *Le XIXe siècle*, no. 2681, 24 avril, 1879a, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. 1^{er} article. Un roman politique." *Le XIXe siècle*, no. 2786, 8 août, 1879b, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. 2^e article. Les œuvres de Tourguénéf. Le Russe à l'étranger." *Le XIXe siècle*, no. 2811, 3 septembre, 1879c, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. Les œuvres de Tourguénéf. (4^e article). Les Russes chez eux." *Le XIXe siècle*, no. 2867, 29 octobre, 1879d, p. 3.
- Selden C. "Le Mouvement littéraire actuel. Les sauveurs littéraires et les politiques." *Le XIXe siècle*, no. 2693, 6 mai, 1879e, p. 3.
- Selden C. "Mouvement littéraire de 1850 à 1870. Première article. Son Origine et ses Tendances." *Le XIXe siècle*, no. 2672, 14 avril, 1879f, p. 2.

Taine H. Essais de critique et d'histoire. 2e éd. P.: Hachette, 1866. 446 p.

Исследования

Bianquis G. Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. T. 80). Paris, Honoré Champion, 1931 // Revue critique d'histoire et de littérature. 1932. № 7 (juillet). P. 317–318.

Gagnebin M. Une Muse romantique // Mercure de France. 1930. 41^e année, № 777 (1 novembre), CCXXIII. P. 545.

Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre. Un intermédiaire entre l'esprit germanique et l'esprit français. Paris: Honoré Champion, 1931. 259 p. (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. T. 80.)

References

Bianquis, Geneviève. “Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. Vol. 80). Paris, Honoré Champion, 1931” [“Wright J. Camille Selden, his Life, his Work (Library of the Comparative Literature Review. Vol. 80). Paris, Honoré Champion, 1931”]. *Revue critique d'histoire et de littérature*, no. 7 (juillet), 1932, pp. 317–318. (In French)

Gagnebin, M. “Une Muse romantique” [“A Romantic Muse”]. *Mercur de France*, 41e année, no. 777 (1 novembre), CCXXIII, 1930, p. 545. (In French)

Wright, J. *Camille Selden, sa vie, son œuvre. Un intermédiaire entre l'esprit germanique et l'esprit français* [*Camille Selden, her Life, her Work. An Intermediary between the Germanic Spirit and the French Spirit*]. Paris, Honoré Champion, 1931. 259 p. (In French)